

Лу Сяоянь говорил уже полдня, но Лин Си так и не ответил. Лу Сяоянь почувствовал неладное:

— Лин Си? Лин Си?

На том конце линии всё ещё было тихо, и он начал раздражаться:

— Ты живой? Если живой, хоть хмыкни!

— Хм.

Хмык?

Что за чертовщина этот «хмык»? Услышав это, Лу Сяоянь почувствовал, как у него слегка зачесались зубы. У Лин Си был такой талант: одним словом мгновенно убивать разговор. Смешно не смеёшься, злиться — не стоит, в общем, он всегда оставлял собеседника в растерянности, не зная, как продолжить.

Но всё же это можно было считать ответом, и Лу Сяоянь, набравшись терпения, повторил приглашение на ужин. Однако Лин Си, не задумываясь, ответил двумя словами:

— Не пойду.

Тон Лу Сяояня тут же повысился на две ступени:

— Что, вечером занят?

Лин Си, как всегда, ответил своим невозмутимым тоном, который мог довести до белого каления:

— Не занят.

— Тогда жди дома, я приеду за тобой! — Лу Сяоянь, сам того не замечая, сильнее сжал руль. — Разве для того, чтобы поужинать с другом, нужно трижды его звать?

Лин Си не стал спорить, просто продолжал настаивать на своём:

— Я не пойду ужинать.

В сознании Лу Сяояня между ним и Лин Си всегда существовала невидимая цепь. Пока он сам не прогонит Лин Си, тот никогда его не бросит. Поэтому, если Лин Си отказывается идти с ним ужинать, на то должна быть причина:

— Что у тебя за дела? Неужели нельзя сказать?

Лин Си словно нажали на кнопку повтора:

— Ничего.

Бессмысленный диалог о том, идти ли на ужин и есть ли дела, крутился по кругу, пока Лу Сяоянь не остановил машину у дома Лин Си, так и не разобравшись в ситуации. Чем больше Лин Си отказывался, тем сильнее Лу Сяоянь хотел заставить его согласиться. Для Лу Сяояня потеря контроля над Лин Си была страшнее, чем потеря лица.

Как только машина остановилась, Лу Сяоянь увидел Лин Си, который шёл издалека, держа в

одной руке телефон, а в другой пакет из магазина. Он тут же открыл дверь и вышел навстречу.

Лин Си, слушая телефон, вдруг перестал слышать голос и подумал, что это проблемы со связью. Он глупо тряс телефоном, продолжая идти с опущенной головой, и чуть не столкнулся с кем-то. Он быстро поднял голову, чтобы извиниться, но увидел перед собой разъярённого Лу Сяояня.

Не дав Лин Си заговорить, Лу Сяоянь выхватил у него пакет и заглянул внутрь. Там были лапша быстрого приготовления, молоко и плитка чёрного шоколада. Лу Сяоянь с лёгким недовольством встряхнул пакет:

— Ты собираешься ужинать этим?

— Там ещё яичница, — Лин Си кивнул, не видя в этом ничего плохого.

Лу Сяоянь с отвращением скривился:

— Твоя эта... дрянь... эта яичница вообще съедобна?

Он огляделся по сторонам, увидел неподалёку мусорный бак и махнул рукой, отправив туда пакет вместе с лапшой и молоком. Затем, схватив Лин Си за руку, грубо усадил его в машину.

Лин Си не сопротивлялся. Он лишь сокрушался о напрасно выброшенной еде. Даже если он сам не будет есть, можно было отдать её нищим или бродячим животным. Выбрасывать всё в мусорку было просто преступлением. В результате, не заметив, как задел ногой дверь машины, он не только почувствовал боль, но и испачкал штаны чёрным пятном.

Лу Сяоянь, пристегнув ремень безопасности и собираясь завести машину, увидел, как Лин Си отчаянно хлопает по штанине, с выражением крайнего страдания на лице. Он с беспокойством спросил:

— Что, ударился? Сильно?

Лин Си не обращал на него внимания, продолжая бороться с пятном на штанах.

Лу Сяоянь потянул Лин Си к себе:

— Дай я посмотрю.

Лин Си всё ещё игнорировал его, перейдя от хлопков к активному трению. Лу Сяоянь, не видя другого выхода, насильно притянул ногу Лин Си к себе. На самом деле, Лин Си был в серых рабочих штанах, и пятно было едва заметным, если не присматриваться. Но с его странным характером он, наверняка, раздул бы это до невероятных масштабов, представляя себя покрытым грязью с головы до ног. Лу Сяоянь не выдержал:

— Ладно, ладно, я куплю тебе такие же штаны, хорошо?

Брови Лин Си тут же нахмурились:

— Это мои штаны, зачем тебе их покупать?

— Ты просто... — Лу Сяояню казалось, что Лин Си слишком уж преувеличивает, но он чувствовал себя виноватым и не мог больше спорить.

Когда атмосфера уже накалилась до предела, откуда-то прилетела маленькая божья коровка, медленно и неуверенно пролетев через полуоткрытое окно и сев на галстук Лу Сяояня. Тот с раздражением взял её большим и указательным пальцами, собираясь выбросить за окно, но заметил, что Лин Си пристально смотрит на его руку с любопытством.

Лу Сяоянь, уловив настроение Лин Си, протянул ему божью коровку, и тот, конечно же, взял её. Лу Сяоянь попытался сменить тему:

— Откуда здесь семиточечная божья коровка? Может, в ближайшем парке растут фруктовые деревья?

— Это не семиточечная божья коровка, — Лин Си серьёзно поправил Лу Сяояня. — Это одиннадцатиточечная божья коровка.

— А? — Лу Сяоянь совершенно не понимал, какая разница, семь или одиннадцать точек. — Разве не всё равно?

Лин Си добросовестно объяснял:

— Семиточечные божьи коровки — полезные насекомые, а одиннадцатиточечные — вредители.

— О, так вот как... — Лу Сяоянь изначально не хотел вникать в этот детский вопрос, но Лин Си смотрел на него с таким убедительным взглядом, что он не смог устоять.

Лу Сяоянь не мог понять, почему Лин Си всегда настаивает на таких, казалось бы, незначительных деталях, словно живёт в совершенно другом мире. Он сам потратил всю жизнь, чтобы разобраться, кто вокруг него хороший, а кто плохой, и у него не было ни времени, ни желания разбираться, полезная божья коровка или вредная.

Пока Лу Сяоянь ворчал про себя, Лин Си уже оставил его и сосредоточился на божьей коровке, словно наблюдение за тем, как она ползает по ладони, было самым увлекательным занятием. Лу Сяоянь старался вести машину как можно плавнее, не мешая «школьнику» Лин Си спокойно изучать природу...

-

Лу Сяоянь привёз Лин Си в свою квартиру, где уже собрались друзья. Линь Гуанлэ и Цай Шимо сидели на диване, шумно играя в приставку, а Дай Чжию помогал Сестрице Хао на кухне.

Как только они вошли, Лу Сяоянь тут же подтащил Лин Си к аквариуму, с энтузиазмом показывая ему несколько дорогих тропических рыб с разнообразными окрасками, явно гордясь своим приобретением. Линь Гуанлэ, отвлекшись на это зрелище, забыл нажать на кнопку управления, и игра быстро закончилась, сопровождаясь странным смехом системы.

Цай Шимо, не сумев побить рекорд, с досадой толкнул Линь Гуанлэ:

— На что ты смотришь?

Линь Гуанлэ поднёс палец к губам:

— Тсс, смотри, тут малыш из садиковской группы «Подсолнух».

Дай Чжию, проходя мимо, услышал только часть разговора:

— Что, сегодня кто-то ещё пришёл? И с ребёнком? Может, приготовить детское меню?

Остальные двое даже не стали его утруждать, и Цай Шимо, придвинувшись к Линь Гуанлэ, шёпотом спросил:

— А в прошлый раз был ещё какой-то Ся... Кого же Сяоянь всё-таки выбрал?

Линь Гуанлэ с довольным видом махнул подбородком:

— Этот хорош, с ним весело дурачиться, мне он нравится.

Дай Чжию сел рядом с Линь Гуанлэ и с серьёзным видом посоветовал:

— А Лэ, не надо так, правда, это может испортить дружбу.

Линь Гуанлэ просто оттолкнул его:

— Ты, болван, с твоим умом никогда не сдашь экзамен на адвоката, лучше оставайся поваром.

Пока они шутили, ужин был готов, и Сестрица Хао вышла, чтобы позвать всех:

— Директор Цай, Большеголовый, Цзиньбао, идите кушать.

Цай Шимо смущённо встал:

— Сестрица Хао, я Амо, директор Цай — мой отец.

Дай Чжию, однако, не обиделся на неправильное имя:

— Большеголовый или Болван, всё равно.

Только Линь Гуанлэ отреагировал наиболее бурно, подбежав к Сестрице Хао и показывая своё круглое детское лицо:

— Сестрица Хао, посмотри внимательно, я А Лэ! А Лэ!

<http://bllate.org/book/16461/1493816>